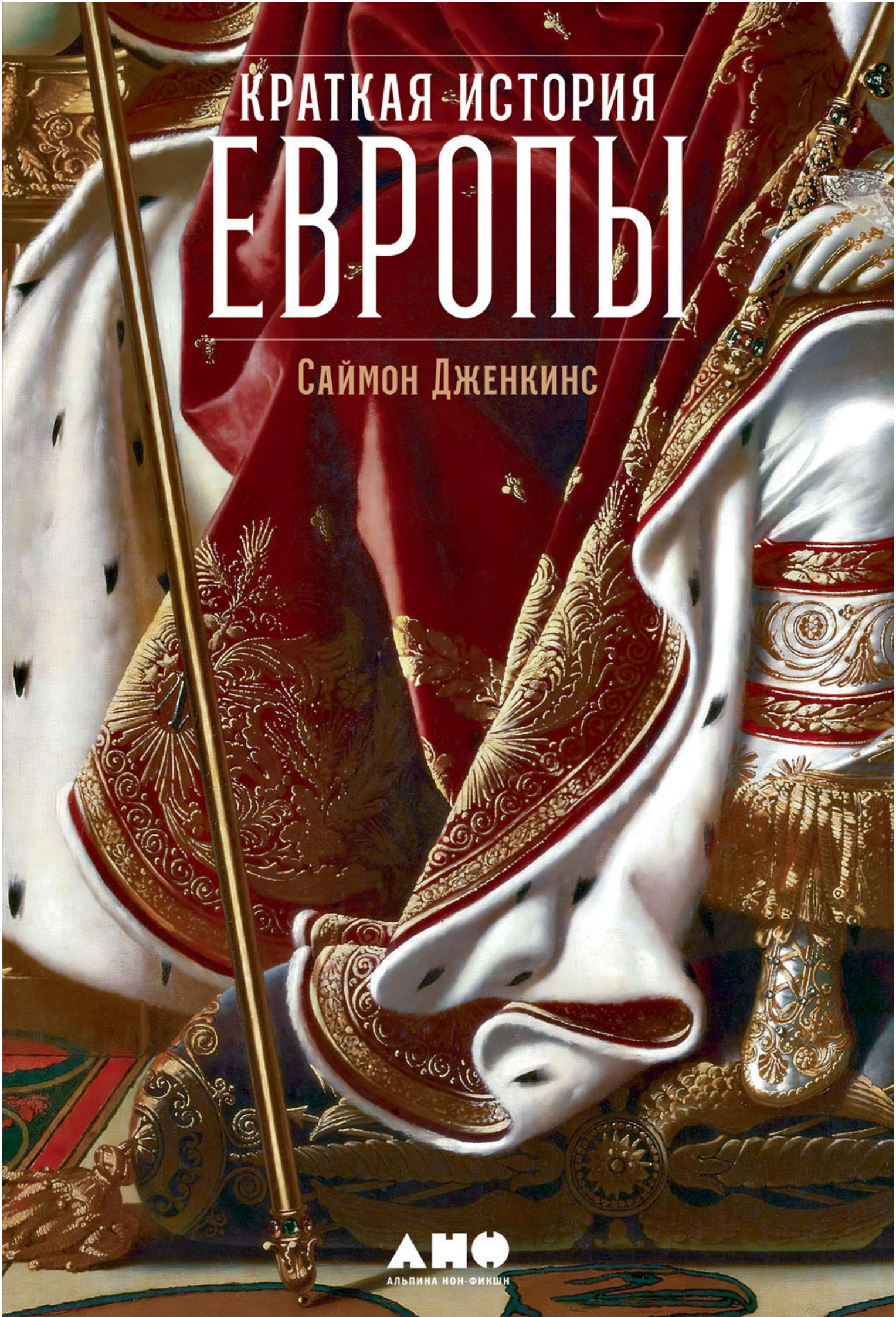
КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ

Саймон Дженкинс



АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Саймон Дженкинс

Краткая история Европы

«Альпина Диджитал»

2018

Дженкинс С.

Краткая история Европы / С. Дженкинс — «Альпина Диджитал», 2018

ISBN 978-5-00-139553-9

Саймон Дженкинс создает яркий портрет континента с его имперскими амбициями, яростными битвами и экзистенциальными страхами, которые, как считает автор, присущи сегодняшней Европе так же, как во времена Юлия Цезаря и Карла Великого, Жанны д'Арк и Бонапарта, Ленина и Черчилля. В первую очередь автор ценит политическую историю и находящуюся в центре ее внимания нескончаемую борьбу за власть. Не изменяя хронологическому подходу и переходя от страны к стране, от одного исторического события или персонажа к другому, Дженкинс излагает историю континента, который внес, вероятно, самый значительный вклад в формирование современной цивилизации. И это не просто констатация совершившегося факта: к последним страницам читатель «Краткой истории Европы» понимает, насколько настоящее человечества укоренено в его прошлом.

ISBN 978-5-00-139553-9

© Дженкинс С., 2018
© Альпина Диджитал, 2018

Содержание

Карты 6
Введение 13
1 16
Перед рассветом: первые европейцы 16
Зарождение и распространение эгейской культуры 18
Персидские войны и возвышение Афин 20
Золотой век Афин 22
Пелопоннесские войны 24
Эпоха Александра Македонского 25
2 27
Рождение республики 27
Первая Пуническая война 28
Рождение империи 29
Юлий Цезарь 31
Возвышение Октавиана Августа 32
Август, император 33
Тиберий и зарождение христианства 35
Династия Антонинов: империя в зените 37
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Саймон Дженкинс
Краткая история Европы

Посвящается Ние

Научный редактор *Антонина Шарова, канд. ист. наук*
Иллюстрация на обложке *Erich Lessing / Album / East News*

© Simon Jenkins, 2018
The author has asserted his moral right. Original English language edition first published by Penguin Books Ltd, London.

© Издание на русском языке, перевод. ООО «Альпина нон-фикшн», 2022

Карты

Римская империя, II в.

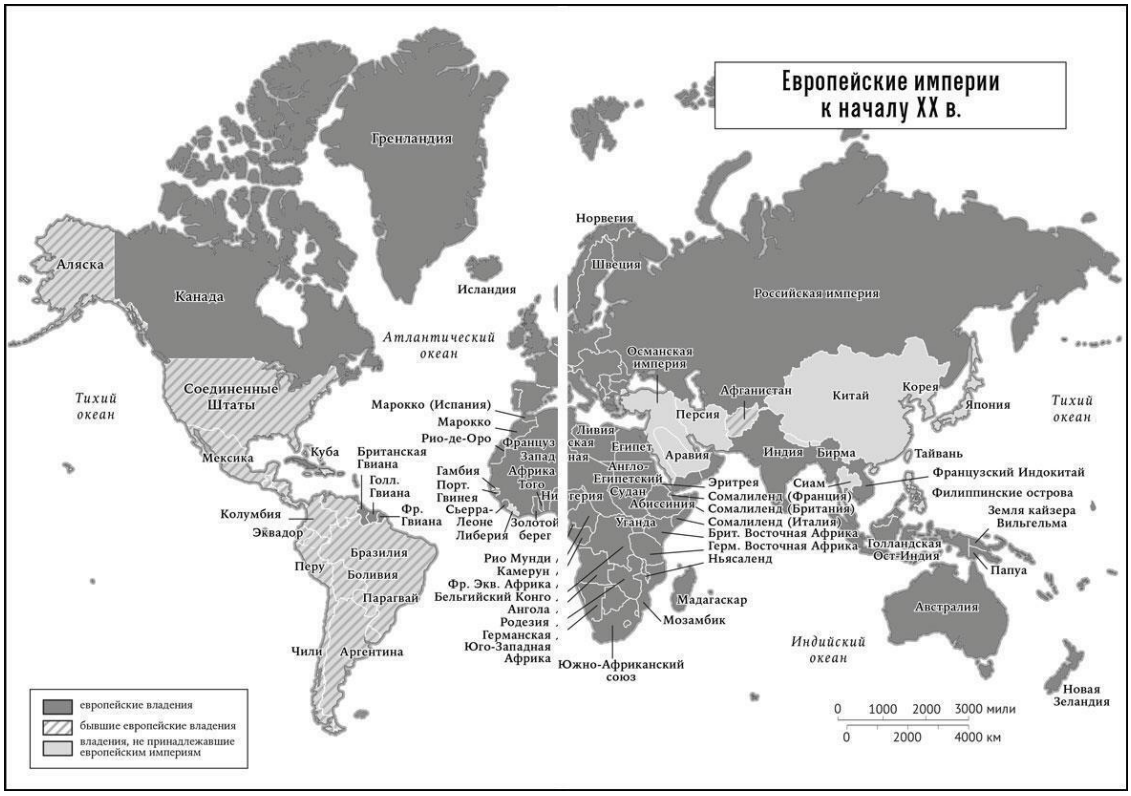
Варварские королевства, начало VI в.

Раздел империи Карла Великого, IX в.

Священная Римская империя, XI в.

Священная Римская империя, XVI в.

Наполеоновская Европа



Европейские империи к началу XX в.

Европа к началу Первой мировой войны

Европа. Территориальные изменения в результате Первой мировой войны

«Железный занавес»

Европейский союз и НАТО, 2018 г.

Введение

Крутые скалистые утесы мыса Сан-Висенте на побережье Португалии образуют юго-западную оконечность Европы. Здесь солнце на закате тонет в водах Атлантики; и первые европейцы верили, что тут находится край земли. День за днем они наблюдали, как единственный источник тепла и света гаснет в океане, чтобы утром родиться вновь. Не припомню места, которое лучше гармонировало бы с этим мифом. По ту сторону бесплодных скал не видно ничего, кроме бескрайнего моря; по эту – расстилается континент, который захлестывают неспокойные волны истории.

Европа – это, прежде всего, скромных размеров полуостров, с северо-запада прилепившийся к Азии. От берегов Португалии он тянется на север – до Арктики, на юг – до Средиземного моря и на восток – до Кавказа и Уральских гор, где на обочине дороги стоит металлический знак, отмечающий приблизительную границу. В Европе нет пустынь, а крупная горная гряда только одна – Альпы. В основном это плодородная аллювиальная равнина под милостивым небом. Здесь живет 750 млн человек, что более чем в два раза превышает численность населения США.

Европа не вправе претендовать на превосходство над другими агломерациями народов. Они могут поспорить с ней по размеру, уровню развития и процветания. Период ее имперского владычества в конце II тысячелетия н. э. был ярким, но недолгим. Однако своеобразие Европы и ее военное превосходство, энергия и экономическая мощь, научный талант и культурный потенциал отводят ей особое место в истории человечества. Даже сегодня, в период сравнительного упадка, она остается центром притяжения для беженцев, мигрантов, студентов и путешественников со всего мира.

В VI в. до н. э. Европой стали именовать северную часть материковой Греции. Как часть света Европа никогда не имела определенных границ. Сначала так называли Римскую империю, затем – христианский мир в целом, причем и то и другое выходило за рамки современной нам Европы и включало в себя обширные части Азии и Африки. Восточная ее граница весьма условна, но принято считать, что она проходит по Уралу, Черному морю и Кавказу. Поэтому Центральная Россия – это Европа, а Грузия, как и Турция к востоку от Босфора, – нет.

Любая краткая история этой части света будет в первую очередь рассказывать о разворачивавшихся здесь политических процессах, о битве народов за место под солнцем. Гоббс утверждал, что люди рождены для вечной борьбы. На вопрос, неизбежно ли эта борьба должна быть кровопролитной, ответа нет до сих пор, но у истоков европейской истории стоят победители сражений – властители, а не народы, которыми они правили. Перед вами повествование о власти в Европе, в истории которой, по крайней мере до последнего времени, доминировала война, а следовательно, и процессы, ее подготавливающие и останавливающие. Складывается впечатление, что даже сегодня европейцы не в силах отыскать формулу мирного сосуществования: они непрестанно спорят даже о том, что понимать под словом «Европа».

Я в курсе, что история по самой своей сути противоречива. Наверняка найдутся ученые, которые сочтут политический подход к изучению истории Европы неполным и скажут, что он сбрасывает со счета людей, ставших жертвами власть имущих, будь то бедняки, рабы, женщины, иммигранты или неевропейцы, причем каждый из них готов изложить свою историю, такую же «достоверную», как и моя. Граждане стран, живших под европейским имперским игом, наверняка тоже видят Европу в ином свете. Что ж, я могу лишь повторить, что эта книга посвящена распределению и осуществлению власти в истории отдельно взятой части света. Именно такой подход, по моему убеждению, должен стоять во главе всех прочих.

История, которую я излагаю, – традиционная и общепринятая. Я разделил ее на периоды: это – в самом широком смысле – Античность, Средневековье, Эпоха возникновения госу-

дарств[1] и Современность. К первому периоду относится история древней Греции и Рима. Второй охватывает триумф христианства – сначала в Средиземноморье, а затем в Северной Европе – наряду с укреплением Священной Римской империи и приходом ислама в страны Средиземноморского бассейна. Третий период вместил эпоху формирования наций, религиозных войн и войн за территориальное наследство, а также идеологические революции XVII и XIX вв. Закончу я катаклизмами прошлого столетия и расскажу о том, как обстоят дела сегодня.

По ходу повествования я обозначу противоречия, которые вечно осложняли историю Европы, – в надежде, что это побудит читателя копнуть глубже. Я знаю, что любое деление европейской истории на «эпохи» спорно. Взгляды расходятся в вопросе относительного значения Греции и Рима для европейской классической традиции; идут споры о роли Византии в становлении Европы; о влиянии, которое оказало на нее вторжение мусульман; о роли церкви во многих и многих европейских конфликтах и о том, способствовала последняя или же препятствовала Ренессансу и Просвещению. Но все, что я успею, это лишь мимоходом кивнуть в сторону этих различий.

Перед вами история Европы, но не история европейских стран. Это попытка описать, как группа государств, взаимодействуя друг с другом, со временем выработала коллективное, общее сознание. Определенные регионы – в силу своего географического положения – внесли больший вклад в результат, и эта мысль направляет мое повествование. Фокус нашего внимания сдвинется с Восточного Средиземноморья на Западное, а затем мы обратим взгляд на север, за Альпы, к долинам крупных рек Центральной Европы. Франция, Германия и их ближайшие соседи не покидали центра европейской истории на всем протяжении последнего тысячелетия и находятся там и поныне. Страны Иберийского полуострова, Британских островов, Скандинавии и Восточной Европы чаще оставались на вторых, эпизодических ролях. Я отдаю себе отчет, что такой подход сужает общую картину и жителям не упомянутых в повествовании стран может показаться поверхностным. Например, родина моего отца – Уэльс – не оставила сколько-нибудь значительного следа в истории. Но мы говорим здесь об истории Европы в целом, а не о ее составных частях.

Основное внимание я уделяю личностям, чьи поступки вошли в историю, чье влияние выплеснулось за государственные границы, – лидерам масштаба Октавиана Августа, Карла Великого, Иннокентия III, Карла V, Екатерины Великой, Наполеона, Гитлера и Горбачева. Я изучал экономику и осведомлен о роли, какую играют в политике деньги и ресурсы, но перед вами не история экономики. И не история культуры. Я буду упоминать художников, писателей, музыкантов, ведущих ученых и философов из длинного списка выдающихся европейцев – там, где, как мне кажется, это поможет проиллюстрировать основную тему повествования. На страницах книги мы встретим Сократа, Аристотеля, Григория Великого (Двоеслова), Шекспира, Гёте, Бетховена, Гегеля и Маркса. Они составят греческий хор, сопровождающий нескончаемую трагедию ушедших времен.

По ходу повествования в луче внимания окажутся разные сюжеты, и нам придется связать их в единое целое. Один из них – экстраординарная роль насилия и технологий насилия, какую они играли до самого последнего времени. Другой – дуализм эллинистической и римской культуры, с одной стороны, и христианской этики и веры – с другой. Обе эти традиции простирают над личностью тень внешнего морального авторитета, но в то же время развивают представление о личности как о силе, способной противостоять власти в лице церкви или государства. Две другие важные темы посвящены неустанным попыткам, какие предпринимали еще древние греки, сделать государственную власть легитимной и связать ее с волеизъявлением народа. Еще один тезис, который мы будем обсуждать, – это созидательная энергия торговли, а затем и капитала, подтолкнувшая процесс формирования национальных государств. В заключение

[1] Имеются в виду государства нового типа. – *Прим. науч. ред.*

мы посмотрим, как в XX в. эти силы поставили Европу на грань саморазрушения. Кризисы прошлого столетия выковали благородное наследие Европы, ее дар современному миру – идею социально-рыночной экономики в демократическом государстве.

Рассказ мой будет строиться строго хронологически, потому что я уверен, что история обретает смысл, только если мы можем проследить, как с течением времени причины влекут за собой последствия. Поэтому я, где только могу, избегаю отступлений и стараюсь не оглядываться назад и не забегать вперед. Я вынес за скобки все, что не помогает, так сказать, проследить основную мысль, и в то же время постарался ярко описать значимых для повествования людей и идеи. Завершится мой рассказ разделом, который я с некоторым сомнением называю заключением, – учитывая трудности, с какими сталкивается Европейский союз в послевоенную эпоху.

Я долгое время скептически относился к структуре и деятельности нынешнего Европейского союза и к его порождению – еврозоне, но у меня нет никаких сомнений в жизненной важности сотрудничества. Закончив работу над книгой, я испытываю еще большую признательность своей родной части света. При всех имеющихся здесь дискриминации, насилии и стойких заблуждениях, я считаю Европу замечательным местом, богатым в культурном отношении, щедрым на добрые дела и способным повести за собой. Я узнал, как часто и легко в прошлом европейская дипломатия сползала в хаос и кровопролитие и как попытки связать Европу в единое политическое целое раз за разом заканчивались провалом. Стремление отыскать баланс между единством и разнообразием, как и прежде, главное содержание европейской политики. К этой теме я еще вернусь в эпилоге.

И наконец, позволю себе замечание о лаконичности изложения. Это краткое исследование обращено к тем, у кого нет времени или желания читать исследования длинные. Я не согласен с учебными программами, которые предполагают, что история лучше усваивается, когда взгляд простирается вглубь, а не вширь. Глубокое изучение предмета, думаю, должно следовать за его широким охватом, так как без него история бессмысленна. Если мы не имеем представления о временной линии, вдоль которой шло развитие цивилизации, исторические личности превращаются в одинокие фигуры на пустой сцене. Если мы не умеем говорить с исторической точки зрения, мы не силах сообщить друг другу ничего осмысленного. Контекст – в смысле ощущения соразмерности – вот что самое главное.

Я согласен с изречением Цицерона: «Не знать истории – значит всегда быть ребенком», но представление об истории как о наборе разрозненных событий ведет к искажениям и злоупотреблениям, к использованию раздуваемого патриотизма и фиксации на давних обидах как оружия. Вот почему искусство истории заключается не только в том, чтобы помнить, но и в том, чтобы знать, что о каких-то вещах лучше позабыть. История придает прошлому сюжет и нарратив. И это задача, которая вполне по плечу истории краткой.

1
Эгейский рассвет: величие Греции 2500 г. до н. э. – 300 г. до н. э.

Перед рассветом: первые европейцы

Хорошо быть богом. Обозревая финикийские берега, Зевс приметил резвившуюся на морском берегу прекрасную царскую дочь по имени Европа. Охваченный желанием, он обратился в белого быка и приблизился к девушке. Очарованная дивным животным, Европа набросила на шею быка гирлянду из цветов и взобралась ему на спину. Если верить поэту Овидию, бык переплыл море и доставил девушку на остров Крит. Здесь бык и царевна каким-то образом умудрились стать родителями будущего царя Миноса, отчима чудовищного Минотавра. В результате этой сомнительной связи на свет появились царь, страна, цивилизация и часть света.

О самых ранних обитателях части света, которой дочь царя Европа дала свое имя, мы знаем очень мало. Судя по останкам первобытных людей, среди них были как неандертальцы, так и *Homo sapiens*. В их культуре человек был неразрывно связан с животным миром, что демонстрируют наскальные рисунки во французской пещере Ласко. Созданные примерно двадцать тысячелетий назад, они и сегодня поражают желанием древнего человека изобразить реальность в пластической форме и ощущением нашей общей сопричастности роду людскому. В какой-то момент после VII тысячелетия до н. э. на исторической сцене появляются люди каменного века, вероятно потомки племен, которые пересекли Гибралтарский пролив, а может быть, тех, что мигрировали на запад из Центральной Азии. О них нам напоминают построенные ими хенджи – гигантские сооружения, похожие на английский Стоунхендж и свидетельствующие о поразительном уровне социальной организации и инженерных навыков. С помощью анализа костных останков ученые установили, что путешественники прибывали в Стоунхендж даже из таких дальних мест, как территория нынешней Швейцарии. Уже в древности путешествия связывали Европу воедино.

Когда люди научились выплавлять из олова и меди бронзу, миграция заметно ускорилась. Благодаря этому изобретению стало возможно изготовление инструментов и оружия. Открытие бронзы способствовало развитию торговли, а так как перевозить товары проще всего по морю, то и основанию прибрежных поселений. Внутренние регионы Европы были покрыты непроходимыми лесами, но поселения, выраставшие на берегах рек и морей, сформировали открытую внешним контактам морскую культуру: путешествовать по воде было легче, чем по суше.

Археологам удалось проследить начавшуюся в V тысячелетии до н. э. последовательную миграцию из Азии на запад так называемых курганных племен из Анатолии, говоривших на протоиндоевропейском языке, а начиная с III тысячелетия до н. э. – кельтских племен. Смазочным веществом для этого переселения народов стала торговля. Предметы материальной культуры доставлялись с севера на юг, вдоль побережий Северного, Балтийского и Средиземного морей. Люди путешествовали. Люди встречались. Люди учились.

В конце Бронзового века, в III тысячелетии до н. э., с двух сторон – с юга и с востока – в Европу пришли новые народы. С востока явились обитатели азиатских степей и Кавказских гор. Германские племена принесли с собой новые индоевропейские наречия, давшие затем начало бриттским, германским, славянским, греческим, италийским и другим языкам. Предполагается, что эти народы вели сухопутный образ жизни, потому что в их языках есть однокоренные слова, описывающие семью и возделывание земли, но нет общих корней для слов,

повествующих о море и мореходстве. Изучение индоевропейских языков методами лингвистической археологии – вкупе с прорывом в расшифровке ДНК – постоянно обеспечивает нас новыми сведениями о начальном периоде европейской истории.

Другие веяния проникали в Средиземноморье издалека. Во II тысячелетии до н. э. самые развитые общества располагались в долинах китайской реки Хуанхэ, индийского Инда, египетского Нила и в «плодородном полумесяце» между Тигром и Евфратом. Задолго до того, как европейские племена перешли к оседлости, эти народы уже изобрели земледелие, строительство, торговлю, искусство, а в Месопотамии и письменность. Они строили города и обожествляли предков. Они возводили монументальные постройки. Великая пирамида в Гизе (2560 г. до н. э.), высота которой составляла 146 м, была самым высоким строением на планете до XIV в., пока к небу не вознесся Линкольнский собор. Мифический Минос, сын Европы, считается основателем Минойской империи со столицей на Крите. Просуществовала она, по-видимому, по меньшей мере тысячу лет, приблизительно с 2500 до 1450 г. до н. э. Традиционно было принято считать, что минойцы – потомки переселенцев из Египта или Месопотамии, но изучение ДНК ископаемых останков доказывает, что генетически минойцы ближе к древним грекам. Минойцы торговали по всему Восточному Средиземноморью, строили дворцы, основывали колонии, старались отличиться в атлетике и ритуальных прыжках через быков. Судя по всему, жизнь они вели мирную. Несмотря на обычай человеческих жертвоприношений, нам ничего не известно о существовании на Крите касты воинов или культа вооруженного насилия. Фрески и керамика минойского города Кносса изображают элегантную молодежь, которая явно ведет легкую и приятную жизнь – первое тонкое звено в цепи отчетливо европейской культуры.

Считается, что Минойская империя начала клониться к закату, когда на острове закончилась древесина, необходимая для выплавки бронзы. Смертельный удар нанесла серия природных катаклизмов, прежде всего извержение вулкана Тера, которое с помощью радиоуглеродного анализа удалось датировать 1630 г. до н. э. Катастрофическое землетрясение вызвало цунами, которое пронеслось по Восточному Средиземноморью и стерло с лица земли города Крита. Пальма первенства в регионе перешла к ахейцам – микенской цивилизации, предшественнице континентальных греческих цивилизаций.

Зарождение и распространение эгейской культуры

Ахейцы (или микенцы, данайцы) властвовали в бассейне Эгейского моря с 1450 до 1100 г. до н. э. Это был сухопутный народ под властью самодержавных правителей. Ахейские легенды, герои и линейное письмо типа Б оказали сильное влияние на более позднюю греческую культуру. Ахейцы конфликтовали с хеттами, которые, занимая Малую Азию и Левант, издавна препятствовали экспансии Египта в северном направлении. Хетты первыми стали использовать железо, из которого ковались прочные мечи – оружие более эффективное, чем дубинки и каменные топоры. В этот же период растет влияние города Троя, война которого с ахейцами из-за похищения ахейской царицы Елены завершилась осадой и сожжением города, вероятно в 1180-х гг. до н. э.

Последующие столетия пересказали и, без сомнения, приукрасили это первое из записанных событий европейской истории, которое сохранил для потомков поэт Гомер, живший примерно в VIII в. до н. э. Он вел рассказ о племенах, охваченных жаждой мести и доведенных до крайности поступками соседей. Они поклонялись уже не застывшим неподвижно изображениям предков – их боги были гиперактивными, антропоморфными мужчинами и женщинами, не стесняющимися бурно проявлять свою любовь, гнев, ревность и любопытство. Как и люди, боги плели интриги, ссорились и дрались. Силу своего оружия они подкрепляли качеством, которое превратится в самое мощное оружие Европы, – разумом.

Так называемая дворцовая культура Древней Греции пришла в упадок где-то между 1200 и 1150 гг. до н. э. – то ли из-за вырубки лесов, то ли по вине стихийного бедствия, возможно эпидемии или извержения вулкана. Этот период, продлившийся приблизительно с 1100 по 900 г. до н. э., известен как греческие «темные века». По времени они совпали с вторжением в бассейн Эгейского моря новых пришельцев: дорийцев, поселившихся в материковой части Греции, и ионийцев, осевших на берегах Малой Азии, – в их честь получили свои названия классические архитектурные стили. Исследования ДНК показывают, что современные греки являются потомками древних микенцев, следовательно, вторгшиеся племена завоевали, но не вытеснили последних.

В результате население внутренних территорий рассеялось из городов-дворцов по мелким прибрежным городкам и деревням, географическое положение которых препятствовало дальнейшей экспансии. Связи между ними поддерживались теперь в основном плаваниями по морю. Это способствовало возникновению греческого полиса – небольшого самоуправляемого сообщества, свободные граждане которого обязаны были при необходимости вставать на его защиту. Такое государство определяет себя, говорил греческий философ Аристотель, как «насколько это возможно, состоящее из одинаковых и равных», в число которых, однако, не входили женщины, рабы и чужестранцы. С укреплением прибрежных микрогосударств росли зачатки индивидуализма, самодостаточности и независимости, которые станут определять представления греков о том, что формирует человеческую общность – и в конечном счете личность человека.

Примерно к 800 гг. до н. э. греческим городам-государствам, совокупное население которых составляло около 800 000 человек, стало тесно на берегах Эгейского моря. Они потянулись на юг – в обход Средиземного моря, и на север – в направлении Черного. Здесь они вступили в чреватый конфликтом контакт с финикийцами из Тира и Сидона, расселившимися на запад до самой Испании. Финикийский город Карфаген, располагавшийся на территории современного Туниса, был основан предположительно в 814 г. до н. э. Греки осели на северном побережье Средиземного моря, на Сицилии, в Италии и даже во Франции. Интеграция была достаточно тесной, чтобы греки смогли позаимствовать финикийский алфавит – они до сих пор им пользуются, хотя и в несколько измененном виде.

На берегах Средиземного моря найдено около 1000 греческих поселений того времени. Надо сказать, колонии значительно превосходили по размеру, великолепию и числу жителей города метрополии. Сицилийский Агригент и Сибарис в Южной Италии выросли в крупные города, причем последний преуспевал так, что оставил в языке эпитет «сибаритский». Жители колоний, говорившие на греческом языке и распространившие эллинистическую культуру по всему Средиземноморью, съезжались в Грецию на Олимпийские игры, подобно тому как американцы пересекают Атлантику, чтобы посетить Европу, свою историческую родину. Первая Олимпиада состоялась в 776 г. до н. э.

Нигде эти времена не встают перед глазами так живо, как в Милете, расположенном на побережье Турции недалеко от современного Бодрума. Персы разрушили этот древний город, но в 479 г. до н. э. Милет был отстроен заново. Археологи провели здесь раскопки, и сегодня туристы могут пройтись по мостовым, заглянуть в дома, взобраться по ступеням амфитеатра или на башню, откуда открывается вид на побережье. Со стороны Эгейского моря дует теплый ветер, овевая холмы изумительной красоты.

На этих улицах отдаются эхом рассказы путешественников о дальних странах, удивительных обычаях, творческих умах и жестоких сражениях. Представления жившего здесь народа нашли отражение в легендах о богах и героях: Афродите, Артемиде, Гермесе, Посейдоне, Ясоне, Геракле, Тесее. Кроме всего прочего, колонисты были любознательными людьми. Говорят, их современник Геродот однажды заметил: «Каждый год мы за большие деньги снаряжаем корабли и отправляем их в опасное плавание к берегам Африки, только чтобы спросить: “Кто вы? Каковы ваши законы? На каком языке вы говорите?”». Почему же, удивляется историк, «они сами никогда не отправляют кораблей, чтобы расспросить нас?». В этом вопросе заключено определяющее качество более поздней европейской цивилизации.

Персидские войны и возвышение Афин

К VII в. до н. э. в материковой Греции освоили новые способы управления полисами. Путем проб и ошибок Коринф, Спарта, Афины и другие города-государства научились жить в мире друг с другом. Монархии уступили место аристократиям, олигархиям и тираниям. Обсуждались концепции свободы, равенства и справедливого распределения ресурсов. В 621 г. до н. э. афинянин Драконт составил свод суровых законов, согласно которому смертной казнью каралась, например, «праздность». Говорили, что его законы написаны не чернилами, а кровью. Чуть позже избранный архонтом Солон реформировал законодательство и рассредоточил власть внутри обеспеченного класса граждан – первый шаг в сторону концепции гражданских прав.

В 508 г. до н. э. в Афинах поднялся мятеж против правящей аристократии. Его возглавил немолодой государственный деятель Клисфен. Он предложил прекратить споры, какая владетельная семья должна править и когда, а вместо этого отдать Афины в совместное управление всем гражданам мужского пола. Граждане должны объединяться не по родовым округам (филам), а по новым территориям (демам). Членов Совета и должностных лиц будут выбирать поочередно с помощью жребия. Единственное, на должность архонта смогут претендовать только квалифицированные кандидаты – почти исключительно аристократы. Не оправдавших доверия должностных лиц прямым общим голосованием можно было приговорить к десятилетнему изгнанию – наказание, которое называлось «остракизм».

Введенная Клисфеном форма демократии обеспечивала тесные связи внутри полиса лучше, чем опосредованное управление через избранных представителей. В лотереях на право занимать государственную должность участвовали около 50 000 свободных граждан мужского пола. Занималась заря эры управления на основе широкого участия. Собрания проходили на холме Пникс у западного склона Акрополя, и это место сохранилось до сих пор: впечатляющее нагромождение скал, уступов и гротов. Любопытно, что единственный известный мне памятник Клисфену стоит в здании правительства штата Огайо.

В VI в. до н. э. Греция подверглась угрозе с востока. Персидский царь Кир II (559–530 гг. до н. э.) в 546 г. до н. э. достиг берегов Эгейского моря и захватил всю Малую Азию, в том числе греческие Ионические острова. В 499 г. до н. э. ионийцы подняли против персов восстание, которое было жестоко подавлено. Царь Дарий I (520–486 гг. до н. э.) решил наказать афинян за помощь ионийцам, однако его армия была разбита в 490 г. до н. э. в Марафонской битве – считается, что в бою погибли 6400 персов и только 192 афинянина. Новости доставил в Афины гонец Фидиппид, который, сообщив о победе, упал замертво. Его подвиг по сей день прославляют марафонскими забегами. Грекам удалось отразить персидскую угрозу в морской битве при Саламине в 480 г. до н. э. и сухопутной битве при Платеях годом позже.

Победы греков, которые они зачастую одерживали против всякой вероятности, приписывали то преимуществу железного оружия, то культу атлетизма среди мужчин. Греки сражались с дисциплинированностью людей, защищающих свои дома и семьи. Геродот вложил в уста греческого полководца Фемистокла речь, которую тот якобы произнес перед Саламинским сражением, воззвав не к верности полису, но «ко всему, что есть благородного в человеческой душе и природе». Демократии не исполнилось еще и четверти века, но ее голос уже был обращен к каждому по отдельности – к личной, а не только общей свободе от тирании.

Персидские войны принадлежат к числу решающих событий в истории Европы. Если бы персы победили, если бы в их власти оказались Греция и бассейн Эгейского моря, то же самое случилось бы с Балканским полуостровом и со всем Средиземноморьем. Жившие там народы покорились бы властителям, богам и обычаям восточных земель. Поскольку в те времена представления о Европе еще не существовало, не было бы и причины его придумывать. Тем не

менее Персидские войны в очередной раз напоминают нам, что первоначально Европа заселялась со стороны Азии и никогда не могла окончательно отделить свою историю от азиатской.

Золотой век Афин

Как ведущее во времена Персидских войн государство Греции, Афины претендовали на военное и культурное превосходство, которое достигло своего пика в рамках Делосского союза (478–404 гг. до н. э.). Довольно быстро союз вырос в Афинскую архэ (империю), куда вошло около 300 зависимых островов и поселений, расположенных на берегах Эгейского моря. В 461 г. до н. э. к власти в Афинах пришел популярный оратор Перикл, добившийся остракизма для своего консервативного оппонента Кимона. Перикл правил Афинами треть столетия (461–429 гг. до н. э.), это время станут называть Золотым (Перикловым) веком. Просвещенный новатор и скромный человек, он, как поговаривали, прислушивался только к своей любовнице Аспасии. В 449 г. до н. э. Перикл заключил мир с Персией, но бесконечно конфликтовал с городами Делосского союза.

Перикл считал правительство сетью взаимосвязанных гражданских и личных обязательств, подкрепленных зарождающимся принципом верховенства закона. При Перикле Афины блистали, подобно комете, интеллектуальной и творческой энергией. Акрополь увенчали мраморные постройки. Был возведен Парфенон – храм, посвященный богине Афине, который с течением лет станет самым известным сооружением в мире и образцом для (хороших) архитекторов даже в наши дни. Вокруг Парфенона вознеслись храмы, посвященные другим богам, а ниже расположились агора и театр Диониса. Дорогостоящие проекты финансировались за счет средств Делосского союза, чем члены его были весьма недовольны.

Для Перикла общественная жизнь была неотделима от искусства. Его друг, скульптор Фидий, добавил реалистичности и изящества ранее стилизованному изображению человеческого тела. Драматурги Софокл, Еврипид и Эсхил проникали в тайны любви, честолюбия и мести. Сатирик Аристофан заставлял греков смеяться над собой. Историк Фукидид напоминал афинянам об их славных подвигах и величайших ошибках. Гиппократ изучал болезни как естественный, а не божественный феномен.

В этом городе жил Сократ (469–399 гг. до н. э.), провозвестник концепции аргументированного рассуждения. Для Сократа люди были свободными акторами, наделенными собственной волей и не ограниченными Прометеевым мифом о богах и творении. Чтобы достичь мудрости, считал Сократ, человеку нужно лишь открыть свой разум миру вокруг и принять других людей такими, какие они есть, а не такими, какими их создали боги или общество. Сократ ставил разум выше суеверий, сомнение выше авторитета. Прежде всего, говорил он, человек, отвечая своей природе, должен быть любопытным и доискиваться до истины, не подавляя этого естественного стремления.

Сократ был мастером диалектического метода, скептических и каверзных вопросов. Его лучший ученик Платон (429–347 гг. до н. э.) обобщил идеи учителя и свел их в систему этического и политического поведения, регулирующую отношения людей друг с другом и с полисом. Хотя державная идеология Платона сегодня приходит в противоречие с представлением о высшей ценности личности, это была первая из зафиксированных попыток сочетать справедливость и свободу с долгом граждан перед обществом. В основанной Платоном в 387 г. до н. э. Академии обучался Аристотель (384–322 гг. до н. э.). Афинская Академия стала колыбелью европейского разума, в эпоху Ренессанса память о ней вдохновляла Рафаэля, расписывавшего фресками станцы папского дворца в Ватикане.

Слава Афин неизбежно должна была снова и снова оживать в истории Европы, представая в идеализированном виде. Век изобретенной греками демократии оказался недолгим. Интеллектуальное и культурное наследие Афин сохранилось благодаря александрийским переписчикам рукописей и римским ученым. Но достижения Золотого века Афин по-прежнему выделяются на фоне всех других периодов европейской истории. Впервые я узнал о них в

школе, но они поражают мое воображение и по сей день. Как такая небольшая территория на берегах внутреннего моря смогла подарить миру столько удивительных изобретений, так глубоко проникнуть в тайны человеческой души? Невозможно представить себе европейскую культуру без Афин.

Пелопоннесские войны

Три последние речи Перикла Фукидид записал в качестве шедевров греческого ораторского искусства. В них (как запомнилось Фукидиду) выдающийся правитель утверждает, что корни афинского гения лежат в толерантности. Согласно законам Афин, «в частных делах все пользуются одинаковыми правами… Низкое общественное положение не мешает человеку занять почетную должность, если он способен оказать услуги государству. В нашем государстве мы живем свободно и в повседневной жизни избегаем взаимных подозрений… Мы не питаем неприязни к соседу, если он в своем поведении следует личным склонностям». Слова Перикла (или Фукидида) эхом отдаются в веках; их цитируют поколения политиков и ученых, на них основаны ценности, которые, как с гордостью будут думать последующие поколения европейцев, они первыми подарили миру.

Наверняка Перикл, как и европейцы, жившие после него, подходил к этим ценностям избирательно. Он не сверял с ними имперское поведение Афин в отношении других членов Делосского союза, что уж говорить о женщинах или рабах. Справедливо ли возлагать ответственность за крах Афин на другие греческие идеи, будь то гордыня или возмездие, – вопрос, вероятно, чисто схоластический. Перикл заявлял, что «все моря и земли открыла перед нами наша отвага», но в конце концов эти моря и земли взбунтовались. Зависимые города Делосского союза сплотились вокруг соперницы Афин Спарты, чьи суровые правители избегали как Перикловой демократии, так и его самомнения. В 431 г. до н. э. Перикл втянул афинян в противостояние со Спартой, которое войдет в историю как Пелопоннесская война.

Она же станет его эпитафией. В 429 г. до н. э. величайший из афинян скончался во время эпидемии. Развязанная им война тянулась до 404 г. до н. э., завершившись победой Спарты и распадом Делосского союза. Спартанцы, сторонники аскетизма, чуть было не сровняли с землей новые афинские строения – участь, которой удалось избежать только благодаря тому, что афиняне затянули хор из трагедии Софокла. Культурная жизнь города продолжилась, но золотая нить демократии оборвалась, сменившись, как и опасались ее критики, популизмом и властью толпы. В 399 г. до н. э. афиняне решили, что больше не собираются терпеть Сократа, «морочившего голову молодежи». Продажный суд заставил его совершить самоубийство – принять яд цикуты.

Аристотель проанализировал устройство полутора сотен греческих государств и убедился в превосходстве «упорядоченного афинского способа правления», задуманного как защита от грубого популизма. Сравнивая северное мужество с азиатским интеллектом, он считал, что греки обладают и тем и другим качеством. «Их институты власти превосходят все прочие, – писал он. – Если бы им удалось достичь политического единства, они правили бы остальным миром». Однако такого единства афиняне добиться не смогли. Афины подарили истории проблеск демократии, но не отыскали средства сохранить ее. Однако в этом-то и состоит истинное искусство политики, которое до сих пор не дается множеству европейских стран.

Эпоха Александра Македонского

Ранние века европейской истории удобнее обозревать, словно бы скользя лучом прожектора туда и обратно вдоль побережий Средиземного моря и наблюдая, как разворачиваются события. После падения Афин греческие города погрузились в бесконечные раздоры, то объединяясь против вечно угрожавших им персов, то вступая с ними в союз. В 359 г. до н. э. к власти в Македонии пришел амбициозный царь Филипп II – грек, считавший себя прямым потомком гомеровского Ахилла. Его вооруженные копьями воины, способные поражать врага, не приближаясь к нему вплотную, быстро подчинили себе греческие города-государства. В 336 г. до н. э. Филипп погиб от руки неизвестного убийцы, и трон унаследовал его двадцатилетний сын Александр, ныне известный как Александр Македонский, или Александр III Великий.

Этот юноша был, без сомнения, выдающейся личностью. Искусству полководца его обучал отец, который в числе других учителей нанял самого Аристотеля, чтобы тот наставлял мальчика в философии и политике. Александр был невысок, но харизматичен; известно, что один его глаз был голубым, а другой – карим. Говорили, что он обладал почти гипнотической властью над своими солдатами. Не смущаясь своей молодостью, а может, и ободренный ею, Александр принялся реализовывать амбициозный план отца, мечтавшего расширить свою державу за пределы Греции и завоевать персидские земли.

Походы Александра Македонского станут самым выдающимся предприятием в истории европейских завоеваний. Покорив Малую Азию, в 333 г. до н. э. Александр разбил превосходящие силы Дария III в битве при Иссе. Он взял в плен дочерей Дария, а позже женился на двух из них, успев между делом поддаться чарам бактрийской царевны Роксаны. Утолив свое честолюбие, домой он тем не менее не вернулся, а вместо этого двинулся на юг, в Египет. Там один из его полководцев, Птолемей, основал династию, последней правительницей которой станет царица Клеопатра. Птолемей построил Александрийскую библиотеку, где книги хранились в виде папирусных свитков, – вывозить их в конкурирующую библиотеку Пергама, где все еще использовался дорогостоящий пергамент из шкур животных, было запрещено.

Александр еще раз разбил Дария, прошел сквозь Месопотамию и беззащитную Персию и добрался до берегов индийской реки Инд. Там его командиры взбунтовались и отказались идти дальше. Александр был вынужден повернуть назад. Пройдя пески Персии, он добрался до Вавилона, где в 323 г. до н. э. заболел и умер в возрасте всего тридцати двух лет от роду. Всюду, где побывал Александр Македонский, он основывал города и колонии, которые часто называл в свою честь. Он сокрушил величайшую державу Юго-Западной Азии. Он женил своих солдат на местных женщинах и оставлял своих полководцев править покоренными народами. Но влияние этих эллинистических колоний на завоеванных Александром землях не было политическим. Империи он не построил.

Как и большинство подобных предприятий, походы Александра Македонского оказались абсолютно безрезультатными, оставшись в истории проявлением невероятного самомнения и жажды наживы. Созданная им империя была бессмысленной и бесполезной, так и не обеспечив безопасной границей греков, живущих в Малой Азии и Месопотамии. На протяжении всей истории эта граница была самой ненадежной в Европе. Но у недолговечной Македонской империи нашлось одно устойчивое следствие: она распространила эллинистическую культуру, а именно греческий язык и литературу, по всему Средиземноморью. Когда материковую Грецию охватила гражданская война, греческие торговцы и ученые рассеялись по морю, влившись в диаспору, численность которой историки оценивают примерно в 10 млн человек. Александрийская библиотека хранила и развивала греческое культурное наследие.

Политическое величие Греции умерло вместе с Александром Македонским. Но слава пережила его и еще долго взывала к тщеславию правителей последующих веков. Со смертью

героя закрылось окно в царство человеческого духа, распахнутое классическими Афинами. Луч нашего прожектора смещается западнее и высвечивает город, чей гений заключался не в экспериментах Перикловой демократии, но в могуществе военной республики.

2
Могущество Рима
500 г. до н. э. – 300 г. н. э.

Рождение республики

Если начало Европе положила царская дочь, похищенная быком, то Рим основал ребенок, вскормленный волчицей. Где-то во тьме веков Ромул убил своего брата-близнеца Рема, споря с ним о месте расположения города, и решил вопрос самостоятельно. Много лет спустя, на рубеже V в. до н. э., как раз когда Афины отказались от аристократии в пользу демократии, римляне предпочли монархии республику. В 509 г. до н. э. они выгнали царя Тарквиния Гордого, и тот обратился к Ларсу Порсене, царю соседней Тосканы, с просьбой помочь ему вернуть власть в Риме. Конфликт завершился легендарным противостоянием, которое так живо описал Маколей в своих «Песнях Древнего Рима». Героическая оборона Горацием Коклесом Свайного моста через Тибр обратила в бегство армию Порсены и стала символом воинской доблести. Статуя отзывчивой волчицы стоит в Капитолийских музеях Рима. Долгое время она считалась этрусской, однако на самом деле датируется XI в. н. э.

Римлянами стали называть древних обитателей Лация – области на северо-западе Апеннинского полуострова. Римская республика, как и афинская, старалась добиться подотчетности правительства. Сенат, состоявший из потомственных патрициев, осуществлял исполнительную власть через двух консулов, избранных свободными гражданами Рима. Отдельно действовал совет плебеев, который возглавляли трибуны, сообщавшие сенату мнения совета, не в последнюю очередь – по вопросам налогообложения. Противостояние консулов и трибунов задавало нужный ритм сердцу республики. Как и в Греции, для обеспечения безопасности государства каждый гражданин был обязан служить в армии. Граждане составляли пехотные легионы, разделенные на боевые сотни под командованием центуриона. Сражались римляне стройными фалангами, сомкнув щиты и выставив вперед длинные копья; с флангов их прикрывали колесницы. В открытом бою они были практически непобедимы.

Первая Пуническая война

На протяжении двух столетий республиканский Рим оставался городом-государством. Он не пытался выйти за пределы своего региона, не говоря уже о том, чтобы по примеру Афин или Македонии взяться за строительство империи. Только в начале III в. до н. э. республика дотянулась до Южной Италии, где столкнулась с греческими и финикийскими колониями на берегах Средиземного моря. В 264 г. до н. э. римляне высадились на берег Сицилии и бросили вызов Карфагену, оспаривая его власть над Западным Средиземноморьем. Римская пехота захватила Мессину, но на море Карфаген сохранял преимущество. В 241 г. до н. э. римляне вернулись с флотом из сотни гребных галер-квинквирем и изгнали карфагенян с Сицилии. Так закончилась первая из трех Пунических (Финикийских) войн, в которые выливалась яростная вражда двух средиземноморских держав.

В 218 г. до н. э. двадцатидевятилетний карфагенский полководец Ганнибал решил атаковать Рим с суши, со стороны Испании. Он перешел через Альпы с армией, в составе которой было тридцать семь боевых слонов, – до Италии добрался лишь один. Этому его походу до сих пор посвящают научные дискуссии и научно-популярные фильмы. Ганнибал не без оснований надеялся, что покоренные Римом итальянские провинции встанут на его сторону. Он разбил римлян в легендарных битвах при Тразименском озере в 217 г. до н. э. и при Каннах в 216 г. до н. э. Битва при Каннах считается самым жестоким поражением в истории Рима: на поле боя пало около 40 000 солдат.

Ганнибалу не удалось полностью реализовать свое преимущество. Новый римский полководец Квинт Фабий Кунктатор («Медлитель»), следуя своей осторожной партизанской тактике, запер его войско в итальянской глубинке, и Ганнибал так и не дошел до Рима. Другой римский полководец, Сципион, окончательно изгнал карфагенян из Италии, а в 202 г. до н. э. атаковал Карфаген. Этот город был для Рима постоянной угрозой, как Персия для Афин. Противостояние породило воинственный лозунг: *Carthago delenda est* («Карфаген должен быть разрушен»). Так и случилось – в 146 г. до н. э.

Рождение империи

Ко II в. до н. э. господство Рима в Западном Средиземноморье было практически неоспоримым; границы его влияния быстро расширялись. Кроме Италии Рим обзавелся новыми провинциями на юге Испании, в Южной Галлии и Северной Африке. В 200 г. до н. э. римские войска помогли Афинам освободиться от слабеющей хватки Македонии, а в 133 г. до н. э. Пергамское царство Александра было преобразовано в новую восточную провинцию Рима – Азию. Все провинции должны были покоряться Риму и платить налоги; Рим, в свою очередь, обеспечивал им защиту и даровал римское гражданство местным правителям.

Этот греко-римский идеал гражданства в условиях верховенства права стал связующим элементом зарождающейся римской государственности. В процессе завоеваний римляне впитали господствовавший в бассейне Средиземного моря эллинизм. Они коллекционировали греческую литературу, копировали архитектуру и импортировали скульптуру. Они высоко ценили сокровища великой Александрийской библиотеки. Высшие слои римского общества говорили на греческом языке и обучали греческому детей, подобно тому как много позже европейские аристократы будут разговаривать на французском, а потом на английском языке. Рим перенял философские учения Афин: стоицизм, эпикурейство, скептицизм и кинизм. Оратор Цицерон вдохновлялся греческим правом и риторикой своего греческого предшественника Демосфена.

Не всем это пришлось по нраву. Самозваный патриот Катон (234–149 гг. до н. э.) считал притягательную греческую культуру «мягкотелой» и манерной. Он говорил, что обычаи «самого испорченного и неуправляемого из народов» развращают римскую молодежь. Поэт Гораций писал: «Пленная Греция взяла в плен своих неотесанных завоевателей». Прошли годы, и другой поэт, Вергилий, примиряя две культуры, писал: пусть греки умеют «обличье мужей повторить во мраморе лучше», пусть они лучшие правоведы, астрономы и математики, но все эти добродетели ничто без свободы действий. «Римлянин! Ты научись народами править державно – В этом искусство твое! – налагать условия мира»[2]. Мир, уверял соотечественников Вергилий, начинается с военного превосходства; так начиналось римское обожествление воинской славы, которое просуществует до конца империи.

Pax Romana («Римский мир») Вергилия опирался на регулярную армию, насчитывавшую примерно 125 000 солдат, не считая наемников. Римскими легионами, расквартированными в провинциях, командовали полководцы-патриции, которые правили на местах как военные диктаторы. Назначенные сенатом военачальники богатели, наживаясь на военных трофеях и взимая подати с населения. За счет этих средств они не только обеспечивали себе личную преданность солдат, но и покупали политическое влияние в столице империи. Это привело к преобладанию провинциальной конъюнктуры в политической жизни республики.

Кризис достиг решающей стадии в 133 г. до н. э., когда должность трибуна занял Тиберий Гракх, а позже его брат Гай. Они хотели раздать землю в собственность ветеранам войн и плебеям. Гракхам противостояли богатые сенаторы, организовавшие их убийство. Но, испытывая на прочность институты республики, место Гракхов заняли другие политики и бывшие военачальники, такие как Цинна и Сулла. В 82 г. до н. э. Сулла объявил себя диктатором Рима и представил программу реформ, превративших коррумпированный и продажный сенат в олигархию. В 73 г. до н. э. пришла новая беда: в районе Капуи подняли восстание гладиаторы под предводительством харизматичного лидера по имени Спартак. Спартак собрал армию из 70 000 рабов и сочувствующих, которая за год увеличилась до 120 000 человек. Разразившаяся

[2] Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида / Перевод С. А. Ошерова; под ред. Ф. А. Петровского. – М.: Художественная литература, 1979.

гражданская война завершилась поражением рабов. Шесть тысяч страшных распятий выросли по обочинам дорог, ведущих в Рим, – как предостережение от повторения бунта.

Римская республика страдала от тех же проблем, что и афинская демократия. Личная власть и честолюбие разрушали ее институты и обходили механизмы защиты. Одолев в гражданских войнах многочисленных соперников, в 52 г. до н. э. единственным консулом Рима стал солдат по имени Помпей. Военные успехи принесли ему славу и деньги, в его честь устроили три триумфа – во время последнего он ехал в колеснице, инкрустированной драгоценными камнями. За колесницей шли дикие звери, а в руках Помпея была держава, символизирующая его завоевания. Теперь, когда один человек, опираясь на народную поддержку, мог контролировать сенаторов, консулов и трибунов, баланс власти разрушился. Нет в мире силы мощнее популизма.

Юлий Цезарь

Правление по формуле «Сенат и народ Рима» (S.P.Q.R.) выродилось в диктатуру. Вскоре Помпею бросил вызов еще один вернувшийся в Рим полководец, Юлий Цезарь, который принадлежал к старинному римскому роду. Как и Помпей, он был консулом и командующим войсками в двух галльских провинциях, располагавшихся к северу и югу от Альп. Он фактически правил этими обширными территориями, что предоставляло ему массу возможностей для обогащения. Цезарь был блестящим солдатом, безжалостным и хладнокровным, а кроме того, грамотным летописцем собственных побед. Галльские войны (58–50 гг. до н. э.), которые он вел, раздвинули границы Рима до Ла-Манша на севере и до Рейна на востоке. По оценке самого Цезаря, каждый третий мужчина-галл сложил голову в ходе войн, а еще треть была продана в рабство – к большой выгоде для Цезаря. Галлия к западу от Рейна покорилась Риму, а вождя галлов Верцингеторига доставили в столицу, провели по улицам, а затем убили.

Помпей фактически был единоличным правителем республики, но в 50 г. до н. э. сенат постановил, что оба они, Помпей и Цезарь, должны сложить с себя командование войсками. Цезарь проигнорировал решение сената и в 49 г. до н. э. двинулся из Галлии на юг, нарушив закон, согласно которому военачальники обязаны были оставлять свои легионы, складывая с себя властные полномочия в провинциях. Он демонстративно «перешел Рубикон» – реку, отделяющую Южную Галлию от Рима, – и вторгся в Италию. Здесь Цезарь столкнулся с ревниво оберегающим свою власть Помпеем, а также нашел (и купил) поддержку среди граждан Рима. Помпей со своими легионами бежал в Грецию.

Два года в Риме бушевала гражданская война. Цезаря объявили диктатором, подвергая испытанию на верность таких консервативных республиканцев, как Цицерон, чьи письма, повествующие о тех временах, складываются в захватывающий рассказ о Риме в I в. до н. э. В 48 г. до н. э. Цезарь, преследуя Помпея, вынудил того бежать из Греции в Египет навстречу смерти от рук убийц. Приехав следом, Цезарь встретил Клеопатру, в возрасте 21 года правившую Египтом совместно с братьями. Ее принесли к нему, завернутую в ковер. Цезарь был поражен в самое сердце; Клеопатра родила ему сына.

Теперь Цезарь был вынужден вести несколько военных кампаний сразу: в Греции, Италии, Испании и в Африке, зачастую против мятежных римских войск. В начале 44 года до н. э. он вернулся в Рим, купался в триумфах и почестях – и стал пожизненным диктатором. Деньги, награбленные в провинциях, он раздал солдатам и гражданам Рима. Один из солдат, посмевший протестовать против сумасбродного поведения Цезаря, был убит, а его труп приковали к стене форума. Любой, кто противится амбициозным государственным проектам, должен быть наказан.

Рим лежал у ног Цезаря, но на мартовские иды 44 года до н. э. его настигла рука судьбы. Едва Цезарь вошел в курию, как пал под ударами кинжалов, нанесенными ему сенаторами-заговорщиками, среди которых был и его старый товарищ Брут. Точно неизвестно, какими были его последние слова, но ни один из источников не упоминает шекспировское *Et tu, Brute?* («И ты, Брут?»). Светоний пишет, что Цезарь не сказал ничего[3], – и в любом случае он записал бы его слова на греческом.

[3] «…он был поражен двадцатью тремя ударами, только при первом испустив не крик даже, а стон, – хотя некоторые и передают, что бросившемуся на него Марку Бруту он сказал: “И ты, дитя мое!”» (Светоний. Жизнь двенадцати цезарей). – *Прим. пер.*

Возвышение Октавиана Августа

Оставшись без правителя, Рим погрузился в хаос. Осознав, что граждане шокированы как смертью Цезаря, так и ее обстоятельствами, заговорщики бежали из города. Согласно завещанию Цезаря, его гипотетическая империя должна была достаться восемнадцатилетнему племяннику и приемному сыну Октавиану. Консул Марк Антоний опрометчиво не подчинился последней воле Цезаря и отказался платить содержание его солдатам. Молодой Октавиан собрал их под свои знамена, а престарелый Цицерон написал серию длинных речей в его защиту. В своих «Филиппиках» он без оглядки обвинял Антония во всех мыслимых грехах – от похоти до жестокости, предательства и алчности.

Октавиан же, хотя и был еще, по сути, подростком, действовал более дипломатично. Он укрепил свое положение в Риме, постаравшись расположить к себе Антония. Их примирение решило судьбу Цицерона, который в 43 г. до н. э. бежал из Рима, но был пойман и убит, а его руки и язык враги прибили к одной из трибун на форуме. Афоризмы Цицерона остаются жемчужинами римской литературы: «Пусть пользуется движениями души тот, кому не под силу пользоваться разумом… Политиков не рождают, их извергают из организма… Если у тебя при библиотеке есть сад, ни в чем не будет недостатка».

Убийц Цезаря Октавиан и Антоний преследовали до Греции, где покончили с ними в битве при Филиппах в 42 г. до н. э. Вскоре отношения между двумя полководцами ухудшились. Антоний взял под контроль восточную часть империи, где осуществил ряд удачных кампаний по защите границ от парфянской (прежде персидской) агрессии. Он признал Ирода королем Иудеи и в 41 г. до н. э. по стопам Цезаря отправился в Египет. Когда он вызвал Клеопатру на встречу в Тарсусе, в Южной Турции, она прибыла уже не в ковре, но на собственном корабле, лежа на усыпанной лепестками роз кровати под золотым балдахином. На этот раз на свет появились близнецы, мальчик и девочка, и неудивительно, что Антоний не хотел возвращаться в Рим.

Когда в 40 г. до н. э. Антоний туда все же приехал, он попытался помириться с Октавианом, женившись на его сестре, но вскоре опять вернулся в Египет, к Клеопатре, которая родила ему еще одного сына. Антоний дал близнецам имена в честь Солнца и Луны и объявил Цезариона, тринадцатилетнего сына Клеопатры от Цезаря, царем царей. В Риме, понятное дело, это было воспринято как опасная провокация. Октавиан к тому времени вернул себе верховную власть и принял титул цезаря со всей прилагающейся к нему божественностью.

В 31 г. до н. э. Октавиан объявил войну Клеопатре (на самом деле Антонию) и пересек Средиземное море, чтобы дать им бой. В битве при Акции в Греции Антоний и Клеопатра потерпели поражение и бежали в Александрию. Когда Октавиан явился, чтобы взять их в плен, Антоний совершил самоубийство и умер на руках у Клеопатры. Она тоже скончалась несколько дней спустя, вероятно от яда. История о смерти от укуса египетской кобры, скорее всего, миф. При посредничестве Шекспира Рим подарил миру самое драматическое убийство, самую диковинную историю любви и самое романтическое самоубийство.

Август, император

Если кто-то и заслуживает звания основателя современной Европы, так это Октавиан (император Цезарь Август). Красивый мужчина среднего телосложения, умный и невозмутимый, при необходимости он мог быть жестоким и даже безжалостным. Октавиан не демонстрировал самовлюбленности и тщеславия, присущего его соперникам, и сохранял порядки старой республики, называя себя «первым гражданином», слугой сената и одним из двух консулов. Тем не менее в 27 г. до н. э. он принял императорский титул Августа, наделивший его абсолютной властью над сенатом, правительством, судом и армией. Его солдатам хорошо платили, а доброе расположение римских граждан обеспечивалось за счет дани, собираемой со всей империи. Что и говорить, он был настоящим тираном.

Август не создавал унаследованную им Римскую империю из разрозненных территорий, завоеванных за два века республики. Он, скорее, продуманно консолидировал земли, привел в порядок границы империи, завершив завоевание Испании, Египта и Сирии. Единственное значительное поражение он понес в 9 г., когда его полководец Вар был разгромлен в битве в Тевтобургском лесу в Саксонии. Тогда три римских легиона были полностью уничтожены Арминием, вождем германских племен, живших к востоку от Рейна. Военному делу Арминий в свое время обучался в Риме. Август был морально раздавлен и несколько месяцев отказывался бриться. Это поражение тяготило его до самой смерти.

Победа Арминия вошла в число битв, определивших судьбу Европы. Римское влияние к востоку от Рейна было остановлено: этим землям не суждено было превратиться в подобие романизированной Галлии. Германцами комплектовали легионы, но в орбиту римского правления или культуры они так и не попали. Разрыв, однажды сформировавшись, стал территориальным, национальным, а впоследствии и психологическим рубежом, разделившим Европу надвое. Арминию – на германском наречии Герману – не повезло: он попал в кумиры нацистов, и по этой причине сегодня его не особенно ценят на родине.

Советников Август подбирал тщательно. В военном отношении он полагался на Агриппу, а во внутренних делах – на весьма компетентного Мецената. Последний установил редкий прецедент, занимаясь одновременно внутренними делами и искусствами. Под его покровительством достиг зенита так называемый век Августа – золотой век римской литературы. Вергилий и Ливий воспевали историю Римского государства. Придворным поэтом был сам Гораций. Овидий, певец плотской любви, в своих «Метаморфозах» достиг философских глубин. То ли по причине радикализма, то ли за скабрезные вирши Овидия отправили в ссылку на берега Черного моря, где он стал поэтом изгнанников: «Всех нас родная земля непонятною сладостью манит и никогда не дает связь нашу с нею забыть»[4].

Эллинистическая культура не потускнела. Когда начал пересыхать поток изваянных греками скульптур, патриции стали заказывать такие точные копии, что сегодня даже экспертам трудно отличить римские работы от греческих. Витрувий пересмотрел принципы архитектуры эллинов, и города по всей империи украсились рынками, храмами и форумами. Август говорил, что принял Рим «глиняным городом, а оставил его мраморным». Классицизм эпохи Августа стал характерным стилем имперской власти.

С безопасностью пришло и экономическое процветание – величайший дар Рима древней Европе. Грузовые суда бороздили Средиземное море, поставляя овощи и фрукты из дальних стран на римские столы. Акведуки обеспечивали водой столичные бани в масштабе, который не удастся превзойти вплоть до XIX столетия. Стадионы и цирки развлекали публику зрелищами, пусть и переполненными жестокостью и насилием. Дорог было более чем достаточно.

[4] Перевод А. Парина.

Двадцать девять магистралей разбегались из Рима во все стороны – они пронизывали империю подобно артериям, позволяя легионам быстро добираться до нужных точек. Колесницы римской почтовой службы доставляли письма со скоростью пятьдесят миль (80 км) в день. Единственная сфера обслуживания, в которой Рим не преуспел, – это очистка улиц. Улицы использовались как каналы для стока нечистот, что было источником постоянных жалоб.

Август правил больше сорока лет – он умер в 14 г. н. э. Основанная им империя просуществовала еще пять столетий, а ее византийская ветвь – все четырнадцать. Несмотря на любовь ее правителей к разглагольствованиям о бессмертии, главной слабостью империи было то, что неразрывность и стабильность ее существования зависели от смертных созданий. Император был источником благ, вершителем судеб миллионов людей. Официальных институтов преемственности еще не существовало, и не было другого способа контролировать императоров, кроме убийства. Чуть ли не каждый из первых двадцати трех носителей титула погиб насильственной смертью, чему чаще всего предшествовал период анархии. Эти времена вдохновили Эдуарда Гиббона на написание «Истории упадка и разрушения Римской империи» – одного из самых увлекательных классических трудов по истории.

Тиберий и зарождение христианства

Пасынок Августа Тиберий (14–37) был успешным полководцем, особенно отличившимся на проходившей по Дунаю границе. Но императором он стал дурным и злобным и славился извращенными сексуальными пристрастиями, по большей части связанными с детьми. Вскоре он уехал из Рима и поселился в своем дворце на Капри, откуда распространялись слухи о его пороках. К концу его царствования префект Иудеи, которого звали Понтий Пилат, приговорил к казни через распятие некоего еврейского проповедника Иисуса из Назарета. Его преступление состояло в том, что он якобы называл себя царем иудейским. В то время его смерть прошла незамеченной.

Первым из последователей Иисуса, оставившим свой след в истории, стал еврейский ремесленник, зарабатывавший на жизнь шитьем палаток, поначалу непримиримый преследователь ранних христиан Савл из Тарсуса. После чудесного обращения в веру по пути в Дамаск Савл (позже он будет зваться Павлом) вернулся в Иерусалим, где сошелся с апостолами Петром и Иаковом, а затем начал активно проповедовать христианство по всему Восточному Средиземноморью. Иудеи были закрытой религиозной группой, они не проповедовали свою веру, и поэтому их терпели. Христианство, как еще одна еврейская секта, могло и не выйти за пределы Иудеи. Однако, как подтверждают письма Павла, христиане распространили свою веру по всей восточной части империи. Павел писал коринфянам: «Но если я не разумею значения слов, то я для говорящего чужестранец, и говорящий для меня чужестранец»[5]. Он говорил о греческом языке, языке восточной империи и раннего христианства. В устах христианских миссионеров греческий окажется феноменально успешным.

После смерти Тиберия императоры стали сменяться один за другим. Его непосредственный преемник, Калигула (37–41), известен непристойными увлечениями, подобными тем, каким предавался его предшественник. Он объявил себя богом и оскорбил сенат, предложив сделать консулом любимого коня. Когда Калигулу прикончили его собственные телохранители, власть перешла к Клавдию (54–68), при котором римские легионы завоевали значительную часть Англии, а затем к Нерону (54–68), который – к последующему восторгу Голливуда – вернулся к разврату. О подъеме христианства убедительно свидетельствует то, что в 64 г. Нерон посчитал целесообразным определить христиан на роль козла отпущения, обвинив их в поджоге Рима и скормив диким животным на арене Колизея.

Где-то после 57 г. в Иерусалиме арестовали Павла, ложно обвинив в том, что он вводил неевреев в храм. Проведя в заключении два года, Павел потребовал, чтобы судили его в Риме, – как римский гражданин, он имел на это право. Павел прибыл в Рим около 60 г. и оставался там – вероятно, в ожидании суда – еще около четырех лет. Историк религии Диармайд Маккалох подчеркивает, что статус Павла как гражданина империи был крайне важен, так как свидетельствовал, что «еврейский пророк, с которым он встретился в видении и которому поклялся в верности, принес благую весть не только иудеям, но всему человечеству». Апелляция Павла к Риму стала еще одним определяющим фактором, способствовавшим распространению христианства в империи.

Павла казнили в 64 г. или немного позже, скорее всего во время Нероновых преследований христиан. Видимо, апостол Петр в то время тоже был в Риме и тоже был убит, хотя свидетельств тому мало и нет никаких данных, подтверждающих, что он основал церковь или возглавил ее. Ученые считают, что практически все, что известно о пребывании Петра в Риме, мы знаем из устных преданий и, возможно, из более поздних включений в священные тексты. Но имена этих двоих, Павла – бизнесмена, говорившего на греческом языке, и Петра – гово-

[5] Кор. 14:1–19.

ившего на арамейском рыбака, воссияют в католичестве и православии. В 70 г. император Веспасиан (69–79) подавил еврейское восстание и разрушил иерусалимский Храм. Последующий исход христиан из города ознаменовал решительный отрыв раннего христианства от его иудейских корней.

Династия Антонинов: империя в зените

С Веспасиана началась династия Флавиев, которая вместе со сменившей ее династией Антонинов во II в. принесла Риму сравнительную стабильность. Наибольших успехов империя добилась при Траяне (98–117), когда она максимально раздвинула свои границы, раскинувшись от Британии на севере до Дакии и Армении на востоке. Ненадолго она дотянулась до берегов Каспия, а также вобрала в себя Сирию, Месопотамию и Мавританию. Средиземное море стало внутренним морем Рима, а сама империя была уже не столько европейской, сколько азиатской. Как с восхищением отмечал историк Плиний, в мире царили римский порядок, римское правосудие и – до некоторой степени – римское процветание.

Траяна сменил великий строитель Адриан (117–138). Его величайшие сооружения – Римский пантеон (126) и Адрианов вал в Британии (122) – уцелели до наших дней и остаются впечатляющим памятником ранней империи. Из всех императоров Адриан имел самое ясное представление о масштабе власти Рима и, вероятно, о ее пределах. Он отозвал войска из нескольких завоеванных Траяном областей, объяснив свое решение тем, что живущие там народы «должны сохранить свою свободу, раз уж мы не можем обеспечить им защиты». Адриан был одним из немногих в истории Рима императоров, достойных своего титула. Он увлекался греческой и римской культурой. Он интересовался юриспруденцией, философией, архитектурой и поэзией. Он путешествовал по своей империи как правитель, а не только как завоеватель. Он был эпикурейцем и не страшился смерти.

Через некоторое время императором стал философ Марк Аврелий (161–180), автор книги размышлений в русле философии стоиков, которую читают по сей день. Как и Адриан, он продолжил гонения на христиан, готовый терпеть свободу веры, но не отрицание божественной природы римских императоров. Смещение императора с небесного престола приравнивалось к измене. Римляне не понимали, почему христиане не могли пойти здесь ни на малейший компромисс. Именно их «строптивость и непримиримая порочность» так разозлили Плиния в бытность того императорским легатом в греческой провинции Вифиния.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.